

Глеб Иванович Успенский

Верзило

Скучающая публика

Глеб Успенский

Верзило

«Public Domain»

1884

Успенский Г. И.

Верзило / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1884 — (Скучающая публика)

«... Часа через два после начала этой игры мне опять случилось выйти из каюты на палубу; игроки сидели на тех же местах, но публики было вокруг них очень много, и она была уж не такая, почти апатическая, как два часа тому назад. Теперь уж можно было заметить в некоторых лицах напряженное внимание; иные уж перевешивались через плечи игроков, по временам слышались советы: «Ходи, ходи, не робей, бей!» И на полу между игроками лежали уж не одни медные деньги – виднелись рублевки и мелочь. Разговор как игроков, так и публики был оживлен...»

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

Верзило

1

– Что это, господа, скучно как? Хоть бы в «дураки» с кем-нибудь поиграть!

Эти слова громко, так сказать, во всеуслышание всей публики, наполнявшей крытую палубу парохода, проговорил какой-то черноглазый мужик, видом артельщик; все время он лежал на палубе ничком, уткнувшись растрепанной черной головой в красную подушку, и вдруг поднял голову, сел, стал торопливо царапать руками свои спутанные волосы и в то же время сделал вышеприведенное громогласное воззвание. А точно, на пароходе было скучненько. Жара палила, река была пустынна, берега скучны, промежутки между остановками продолжительны. Палубная публика, проснувшаяся вместе с восходом солнца, успела уже умыться, выпить чаю, потолковать и вновь от нечего делать укладывалась на старые места – укладывалась не спать, а так, полежать. Жарко было от палящего солнца, от раскаленной паровой машины, от раскаленной паровой кухни...

– А что, в самом деле? – быстро вскакивая с лавки, стоявшей около борта, отозвался издали другой палубный пассажир. Это был человек небольшого роста, в сюртуке, надетом на русскую рубашку, гладко выбритый. Что-то напоминавшее трактирного лакея было в этой фигуре.

– Ребята! – вновь воззвал мужик, похожий на артельщика, продолжая сидеть на полу, – нет ли у кого карт на подержание?

– За прокат отдадим! – прибавил тоже во всеуслышание и лакей. – Уже наверно у кого-нибудь да есть... Слышите, что ль, почтенные?..

– Эй ты, любезный! нет ли в буфете, у хозяйки?.. Спроси-кось!

– Какие карты? – нехотя ответил буфетный слуга, пробираясь с чайным прибором и шагая через головы и ноги лежавшей на полу публики.

Лакей, первый отозвавшийся на приглашение артельщика, соскочил с своей лавки, проворно пересел на пол и, похлопывая артельщика по спине, как старого знакомого, говорил:

– Так как же, любезный? Хлопчи. Надо как-нибудь время коротать.

– Нет! Бог с ними и с картами! – проговорил новый пассажир, появляясь откуда-то около артельщика и лакея.

Это был совершенно приличный молодой человек, неизвестно какой профессии и какого звания. На нем была вполне приличная шляпа котелком, вполне приличное летнее пальто, надетое поверх русской рубашки голубого цвета, вышитой, очевидно, женскими руками. И говорил он, и держался, и глядел вполне прилично и благообразно.

– Я много на картах потерял! – продолжал он. – Меня однажды, также вот на пароходе, на пятьсот рублей жулики обчистили, так я с тех пор даже боюсь и смотреть на карты...

– Что вы! Мы не жулики! По пятаку проиграем – велика беда! – ответил ему лакей. – Присаживайтесь!

– Сначала-то всегда так – по пятаку, а потом и пойдешь выкладывать зря, сколько рука захватит в кармане...

– Это, любезный, как играть и с кем. Вот от чего зависит. Коли у меня в кармане три гривенника, так уж я не вытащу на кон ста рублей! – прибавил и артельщик.

– Конечно, я игрывал на большую... Ну, обжегся – и побаиваюсь.

– Ну, чего там, господи помилуй... По большой! С нашим братом этого нельзя; у нас тоже каждая копейка трудовая... Уж не оставляйте компании...

– Разве что от скуки... Да вот карт-то нету...

– Надо раздобыть! Что ж, почтенные, нет ли у кого какой колодишки?

– Что дадите за прокат? – опять неведомо откуда появляясь, проговорил четвертый палубный пассажир. На этот раз пассажир представлял из себя чистейший тип голи и рвани кабацкой. Толкаясь от нечего делать то там, то сям по пароходу, я уже давно заметил эту рваную фигуру; еще с вечера эта фигура сидела на палубе третьего класса у столика, пила водку и беспрерывно разглагольствовала о чем-то протестующим тоном: косушка водки и селедка с самого утра не сходили со столика, перед которым заседала фигура, рваная, небритая, немытая, в опорках, в какой-то кацавейке и в сплюснутом на затылке картузе. Повидимому, человек этот был горький пьяница: он пил и ничего не ел и в то же время твердо держался на ногах, – «прилился», как утверждают знатоки питейного дела.

– Вот, отец и благодетель! – воздевая руки к стоявшей рваной фигуре, плутовски-восторженным тоном воскликнул лакей, сидевший на полу. – Рубашку последнюю сыму, отдам!

– А я думаю, – с иронической вежливостью проговорил благообразный господин в «котелке», – вы можете вполне бескорыстно доставить обществу полное удовольствие: карты у вас лежат в кармане и по окончании опять туда возвратятся.

– Ишь ты, брат! – ломаясь, бормотал пьяница, уже запустивший было руку в рванный карман рваных панталон. – Нет, ты подавай мне магарычей!

После довольно продолжительных ломаний и кривляний пьяницы и упрашиваний, то шутовских – со стороны лакея, то вежливых и «полированных» убеждений – со стороны котелка, то, наконец, грубых и нетерпеливых требований артельщика перестать галдеть и начинать игру – карты очутились в руках лакея, и, усевшись кружком, лакей, «котелок» и артельщик начали какую-то игру.

– Больше пяточка, – сказал котелок, – уж извините, господа, и я не пойду! Довольно, научен!

– Научили! Хе-хе-хе! – сочувственно поддержал эти речи кто-то из посторонней публики.

– Да, очень прекрасно просветили на этот счет!.. Будет! Кажется, ни в жизнь бы не взял в руки этой погани, да уж так... скучно...

Началась игра. На полу между тремя игроками лежали деньги, медные пятаки. Понемногу вокруг этих троих людей стали от нечего делать собираться посторонние зрители. Стали слышаться слова: «Ваш гривенник», «Мой пятак!» «Ах, пес его дер! гривенник убег в чужой карман!» и т. д.

Часа через два после начала этой игры мне опять случилось выйти из каюты на палубу; игроки сидели на тех же местах, но публики было вокруг них очень много, и она была уж не такая, почти апатическая, как два часа тому назад. Теперь уж можно было заметить в некоторых лицах напряженное внимание; иные уж перевешивались через плечи игроков, по временам слышались советы: «Ходи, ходи, не робей, бей!» И на полу между игроками лежали уж не одни медные деньги – виднелись рублевки и мелочь. Разговор как игроков, так и публики был оживлен. Иные из публики даже спорили между собою о картах игроков, которые были всем видны, хотя игроки, получив сдачу, и старались держать ее как-то в горсти.

– Крой пиковкой! Не робей! Твоя!

– Ведь у яво козырь, елова голова! Пиковкой!

– Кр-ррой пиковк-а-ай! Вижу я, какой козырь!

– А! была не была! Вот!

– Ну, и просолил!

– Просолил! Чисто просолил...

– Ведь говорил – козырь! Нет! «Знаю я...»

– Так ведь пес его знал!

– Пес!

– Ну, куда ни шло! Ушла рублевочка! Сдавай сызнова, ворочу!

Оживление и интерес зрителей к игре возрастали и поддерживались постоянно разными карточными эпизодами. Между прочим, после одной сдачи был всех оживленнее «лакей»; взглянув в свои карты, он вдруг проговорил:

– Господа компаньоны! Сделайте милость! Уважьте! Позвольте рыскнуть!

Говорил он каким-то умоляющим тоном, прижимая карты к груди.

– Отцы родные! Такая привалила карта – вот! – Он наклонился к постороннему зрителю и показал ему карты.

– Н-да! – сказал многозначительно зритель.

– Позвольте поставить десять целковых! Кто соответствует? Карта очень великолепна.

– Идет! – гаркнул артельщик. – Клади красную!

– Нет, позвольте! – благообразным жестом руки накрывая выкинутую лакеем десятирублевую бумажку, проговорил весьма благообразным тоном благообразный владелец шляпы «котелком». – Позвольте вам сказать, что таких правил нет! Коль скоро вы в компании, то вы должны делать уважение... Вы бы, может быть, хотели и сто рублей выиграть, но когда вам не соответствует компаньон и, может быть, по своим средствам лишится всего, что у него есть, то это не может быть дозволено в игре. Извольте взять вашу ассигнацию... Получите-с!.. А как на кону был рубль, то извольте и вы становить рубль, хотя бы у вас был даже хлюст!

– Верно! – слышалось в публике.

– Так, так! Этак-то с жадности всякий бы тебя обобрал.

– Хорошо!

– Но за что ж я потеряю свою пользу? – возразил лакей, волнуясь алчными порывами.

– Мало ли какой тебе надо пользы!

– Ах, карты-то какие!

– Да тебе какое дело мешаться? – возразил грубо и гневно артельщик. – Ежели тебе твоих денег жалко, говори «пас», больше ничего, а союзному делу не препятствуй.

– Верно! Верно! – возопили голоса публики.

– Может, я хочу проиграть! Какое тебе дело?

– Н-ну, если так, то я «пас»! А вы – как угодно.

Слова эти благообразный господин произнес кротко и сложил карты, не глядя в них.

– Так идет? – спросил в азарте лакей артельщика.

– Вали! Станови красную! Вот моя!

Две красных бумажки валялись на полу.

– Ходи!

– Ходи ты!

– Вот!

– А вот!

– А это?

– А мы вот как!

– Твоя! Твоя! – загалдела публика, и артельщик, весь сияющий, вдруг весь вспотевший, с мокрым ослабившимся лицом, потянул к себе всей пятерней две красных.

– Ловко! Вот так ловко!

Артельщик только улыбался и сиял.

– Конечно, всякому свое счастье! – благообразно вздохнув, произнес благообразный котелок.

– А ты у меня учись, – сказал лакей, – десять целковых выкинул наудалую, и жалеть не буду! Сдавай!

Публика, собравшаяся вокруг игроков, была сразу в высшей степени заинтересована этим эпизодом; в большинстве это был народ серый, бедный, трудом наживавший деньги и,

очевидно, в большинстве только теперь знакомившийся с каким-то новым, мгновенным способом наживы. Десять целковых, поставленные на кон лакеем, все видели своими глазами, и также все своими глазами видели, что артельщик на каких-то новых основаниях получил право на эти десять рублей, которые, опять же у всех на глазах, очутились у него в кошельке. «Ловко», – мелькало в выражении лиц очень и очень многих зрителей: мужиков, рабочих, даже у отца дьякона, который также внимательно смотрел на игру. В числе зрителей этой игры обратила мое внимание фигура одного крестьянина: это был парходный рабочий в картузе с медным ярлыком; роста он был огромного и – как часто это бывает у сильных людей – лицом походил на ребенка: самое детское, простодушное выражение лица было у него. Он подошел к группе играющих довольно давно и сначала был совершенно равнодушным зрителем; по его лицу было видно, что «в этих делах» он ровно ничего не понимает, что это его даже и не интересует, но после эпизода с десятью рублями что-то как будто проснулось в его сонных, спокойных, как стоячая вода, глазах. Что-то как будто шевельнулось, плеснуло в этой стоячей воде. Он поближе придвинулся к игрокам, пристальнее стал смотреть в карты, на деньги, на руки игроков, на их кошельки.

– Михайло! – позвали его откуда-то.

– Сейчас! – отозвался он, но не уходил, а с возрастающей внимательностью стал вникать в дело. Его позвали в другой раз, и тогда он, с трудом оторвавшись от зрелища, бегом побежал туда, куда его звали, и скоро возвратился тоже «бегом»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.